

оригинальная статья УДК 902/904

Петроглифы горы Кременной и вопросы их хронологии*

Ольга С. Советова $^{a, @, {\rm ID1}}$; Ольга О. Шишкина $^{a, {\rm ID2}}$; Ирина В. Аболонкова $^{b, {\rm ID3}}$

- ^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
- $^{\rm b}$ Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница», 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Томская, $^{\rm 5}$
- @ olgasovetova@yandex.ru
- $^{\rm ID1}\,http://www.researcherid.com/rid/G-6895-2018$
- ID2 http://www.researcherid.com/rid/X-2375-2018
- $^{\rm ID3}\,\rm https://orcid.org/0000-0003-2033-7850$

Поступила в редакцию 05.07.2019. Принята к печати 29.07.2019.

Аннотация: Статья посвящена наскальным изображениям горы Кременной, расположенной на северо-западном участке Тепсейского археологического микрорайона. Рисунки на горе Кременной были обнаружены в 2015 г. кемеровскими археологами. Открытие нового пункта петроглифов позволило не только пополнить фонд изобразительных источников Тепсейского археологического микрорайона, но и выявить новую изобразительную традицию эпохи поздней бронзы. На четырех плоскостях техникой выбивки нанесено пятьдесят две фигуры, относящиеся к карасукской и тагарской археологическим культурам. Стилистические особенности изображений эпохи поздней бронзы этого местонахождения позволяют выделить здесь как минимум две изобразительные традиции в рамках карасукской культуры: одна из них представлена проволочными фигурами, вторая – полновесными силуэтными изображениями. Подобные изображения известны и в других пунктах горы Тепсей. По проведенным в 1960-х гг. раскопкам выявлено, что на территории Тепсейского археологического микрорайона представлены как погребальные, так и поселенческие памятники двух хронологических этапов карасукской культуры (XIII–XI вв. до н. э.). Рисунки горы Кременной в контексте археологического материала дополняют представления о масштабах и особенностях одного из наиболее крупных памятников наскального искусства Минусинской котловины – Тепсея.

Ключевые слова: Минусинская котловина, Тепсейский археологический микрорайон, наскальное искусство, археологический контекст, карасукская культура, документирование

Для цитирования: Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Петроглифы горы Кременной и вопросы их хронологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 663-673. DOI: https://doi. org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-663-673

Введение

История изучения петроглифов Минусинской котловины, одного из крупнейших очагов наскального искусства России, насчитывает уже не одно столетие. Среди прочих вопросов исследователей волнует главный – к какой эпохе относятся наскальные рисунки. К настоящему времени уже сложился основной набор методов их датировки, но проблема хронологической атрибуции петроглифов все еще остается актуальной. Относительно просто с рисунками, выполненными в хорошо узнаваемом стиле, таком как скифо-сибирский, характерном для рисунков тагарской культуры. Они представляют достаточно самобытную серию, имеющую очевидную перекличку в стилистическом

и сюжетном отношении с декоративно-прикладным искусством скифской эпохи. Достаточно узнаваемы ранние рисунки, выполненные в минусинском и ангарском стилях (если не углубляться в их внутреннюю хронологию), а также таштыкские, некоторые этнографические. К сожалению, огромное количество изображений остается слабо атрибутированным, что можно сказать и, например, о рисунках эпохи поздней бронзы. Если характеризовать в целом наскальное искусство бронзового века, то следует отметить заметное разнообразие изобразительных традиций, присущих этой эпохе. При этом особых вопросов не вызывает, пожалуй, только вычленение образцов яркого окуневского искусства, известного по изображениям

^{*} Работа выполнена по гранту РФФИ № 118-09-40089 «Наскальное искусство Тепсейского микрорайона в контексте археологических материалов».

на плитах из погребений, по стелам и каменным изваяниям и рисункам на скалах [1–4]. Практически ничего не известно про андроновское наскальное искусство. В свое время Б. Н. Пяткин высказал предположение, что андроновское искусство представлено исключительно геометрическими фигурами и встретить зоо- и антропоморфные изображения этого времени едва ли возможно [3, с. 61, рис. 2–4]. Несмотря на активные поиски, до настоящего времени пласт рисунков андроновской культуры не выявлен.

Несколько в стороне находятся изображения карасукской культуры. И хотя петроглифы поздней бронзы относительно давно находятся в сфере научного интереса [5; 6], многие вопросы остаются неразрешенными, в том числе характеристика стиля и его вариаций, тематика образов и др. Впервые о петроглифах карасукской культуры заговорили при раскопках тесинского могильника у Есинской МТС, когда в одной из могил была найдена плитка с рисунками, предположительно карасукскими. Одним из ключевых моментов в вопросах выделения карасукского пласта петроглифов стало обнаружение в 1975 г. при осмотре плит каменных ящиков карасукского могильника Варча II, а в 1980 – Варча I плит с изображениями лошадей, аналогичных найденным при раскопках у Есинской МТС [3, с. 65, рис. 5; 7, с. 65]. После того как карасукские рисунки были выделены на погребальных плитах, стали идентифицировать и подобные рисунки на скалах. Петроглифы близ улуса Маткечик, некоторые рисунки горных массивов Шалаболино, Оглахты и Тепсея также были отнесены к карасукскому времени [6, с. 9]. Большой археологической удачей было обнаружение в 1978 г. в урочище Кизань в горном массиве Оглахты большой горизонтальной плиты с многочисленными рисунками, отличающимися особой тематикой [8, с. 127], среди которых были изображения кинжалов, окружностей и спиралей, фигурки животных и т. д. [9]. Имеющиеся на плите изображения животных позволяют датировать аналогичные фигуры и на других памятниках.

Проблему выделения петроглифов, относящихся к карасукской культуре, активно разрабатывал в 1970-х гг. Б. Н. Пяткин [3, с. 61]. В итоге изображения животных (лошадей, куланов, быков), выполненные в определенном стиле, были определены Б. Н. Пяткиным как «карасукские» [3, с. 62]. Для карасукского стиля характерны моделировка туловища животного прямой (обычно более широкой) линией; передача четырех выполненных более тонкими параллельными линиями ног, а также длинного опущенного хвоста и прямой (или изогнутой) шеи с маленькой головой. Несмотря на известный схематизм, многие из них достаточно выразительны и индивидуальны, что достигается в первую очередь различной постановкой ног и реалистически переданными мордами животных. Б. Н. Пяткиным внутри петроглифов карасукской эпохи были выделены

более ранние, относящиеся к собственно карасукскому времени, основным сюжетом которых являются изображения лошадей, оленей, колесниц, жилищ, и более поздних, относящихся к каменноложскому времени, когда появляются изображения людей [3, с. 62].

При изучении карасукских рисунков становилось все более очевидно, что внутри этого пласта существуют разнообразные изобразительные традиции. Так, при анализе наскальных рисунков Шалаболинской писаницы Б. Н. Пяткиным и А. И. Мартыновым были выделены две изобразительные традиции: линейная – животное изображалось одной линией от головы до хвоста, с маленькой, без проработки деталей головой на длинной тонкой шее и пририсованными к туловищу двумя или четырьмя ногами и с длинным прямым хвостом [10, с. 107–108]; контурная – фигуры животных прорабатывались контурными или силуэтными, с гипертрофированно отвисшим животом, расчлененным вертикальными линиями, заполняющими весь контур; у диких животных изображались рога в виде вертикальной линии с отходящими от нее отростками; лошади часто изображались с холкой [3, рис. 5; 10, с. 108]. Н. В. Леонтьев среди рисунков на варчинских плитах выделил три стилистические группы, в которые вошли: линейно-силуэтные изображения животных с туловищем, обозначенным прямой линией, один конец которой, плавно изгибаясь книзу, воспроизводит хвост, а второй, поднимаясь кверху, передает шею и завершается двумя черточками ушей и опущенной книзу головой; линейно-контурные изображения с дугообразной линией, обрисовывающей контур живота; условно-реалистические изображения, на которых туловище и шея выполнены широкой резной линией, постепенно сужающейся по направлению к голове, более объемной, чем у фигур первых двух групп [7, с. 70]. В результате был выделен т. н. варчинский стиль.

Анализ рисунков с плиты из Кизани позволил Ю. Н. Есину выделить четыре группы изображений животных. В простом линейном стиле были выполнены наиболее простые и схематичные рисунки с передачей туловища, шеи, хвоста и ног одинарными линиями. К сложному линейному стилю Ю. Н. Есин отнес фигуры, у которых туловище и бедра изображены объемно, по контуру. При всей схематичности такое изображение как бы составлено из отдельных геометрических фигур и конструируется из отдельных линий. Специфику данной группе изображений придает изображение подтреугольных бедер, а на туловище нередко показаны поперечные линии. Отдельная группа рисунков демонстрирует частичный отход от схематичного линейного принципа передачи образа: туловище показано объемным, моделируемым по контуру. Ноги, как правило, изображены в динамичном положении и могут иметь разную

толщину линии. По сравнению с предыдущими группами, у некоторых изображений показан открытый рот, а шея гипертрофированно длинная, вытянутая вверх. Еще одна группа представлена изображениями с трапециевидным и подпрямоугольным туловищами. На туловище типичны поперечные линии. Ноги обычно показаны схематично прямыми параллельными линиями [9, с. 67].

Самым сложным моментом в датировке рисунков карасукским временем является непродуктивность метода аналогий с предметными сериями. Уже Я. А. Шером была поставлена проблема соотношения предметов мелкой пластики и наскальных изображений эпохи поздней бронзы. Говоря о явных противоречиях между ними, он высказал гипотезу о возможности датировать карасукским временем некоторые изображения, традиционно относимые к раннему скифскому времени. В пользу этого предположения он привел аргумент переиспользования некоторых оленных камней в кургане Аржан I и плиточных могилах перевала Эгин [11, с. 235]. Э. Б. Вадецкая по этому поводу высказывалась более категорично: «один из важнейших методов датирования рисунков методом аналогий с предметными сериями практически не работает применительно к рисункам поздней бронзы. Стиль изображений схематичен и очень отличен от реалистических высокохудожественных литых наверший бронз» [12, с. 86; 13].

Тем не менее к настоящему времени карасукский пласт рисунков достаточно аргументированно выявлен, хотя проблема разнообразия карасукских рисунков остается актуальной. Поэтому важно подвергать анализу как можно большее количество изображений, которые по ряду выделенных признаков могут быть отнесены к карасукским, и, по возможности, определять локальные изобразительные варианты внутри этого стиля; анализировать случаи палимпсестов, позволяющих не только выходить на определенные хронологические срезы, но и прослеживать пути формирования и развития этого стиля, выявлять отдельные «изобразительные школы».

Петроглифы Тепсея

Несомненный интерес представляет наскальное искусство горы Тепсей, расположенной в бассейне Среднего Енисея на юге Красноярского края. В петроглифах Тепсея карасукский пласт рисунков весьма устойчив, но заметно неоднороден. К настоящему времени изображения, которые по тем или иным признакам связывают с эпохой поздней бронзы, найдены практически во всех выявленных пунктах горы, вплоть до самой вершины. В целом изучение наскального искусства Тепсея [11; 14, рис. 1], давшее наряду с другими хронологическими группами колоссальный материал по петроглифам эпохи бронзы, существенно обогатило

сложившиеся представления о карасукской изобразительной традиции. Среди рисунков Тепсея с уверенностью выявляется по меньшей мере три стилистические группы рисунков животных – от предельно схематичных, выполненных как из проволоки, линейных, до вполне полновесных, с силуэтными корпусами, но также неопределенных в видовом отношении.

В науке уже хорошо известны некоторые группы тепсейских рисунков, выполненных в карасукском стиле. Пожалуй, самым растиражированным является сюжет «кони у мирового древа», в свое время введенный в научный оборот Я. А. Шером [11, рис. 72, 74, 124]. Часть рисунков этой серии была известна и раньше, по всей видимости, еще в начале XX в. [15, рис. 2]. О. В. Ковалева, в своей кандидатской диссертации, а затем и в монографии обобщившая общие сведения по истории и основным проблемам изучения петроглифов поздней бронзы, уделила внимание некоторым рисункам Тепсея, к которым, по ее мнению, помимо жанровой сцены «кони у мирового древа», относятся отдельные рисунки лошадей и некоторых других животных [6, таблицы 49–55, 57–61] (стоит отметить, что в приведенных ею таблицах оказались рисунки достаточно разнородные и датировка их эпохой поздней бронзы не всегда достаточно аргументирована). К рисункам Тепсея обращались многие исследователи, например И. В. Ковтун, который, выделив т. н. тепсейскую группу, связал ее с окуневской изобразительной традицией, поскольку, по его мнению, гипертрофированная задняя часть крупа и холка изображенных животных образует характерный прогиб спины, который находит аналогии в окуневских фигурах [16, с. 62].

Петроглифы горы Кременной

Совсем недавно на местонахождении Кременная нам удалось выделить самобытные карасукские рисунки. Судя по известным нам данным, ранее этот объект не исследовался. Возможно, маловыразительные склоны со слабыми выходами желтоватых пород не вызывали особого исследовательского интереса, да к тому же на фоне монументального Тепсейского горного массива с большими скоплениями выразительных рисунков скальные плоскости горы Кременной казались непривлекательными. Гора расположена на некотором удалении от береговой линии правого берега Енисея (Красноярского водохранилища) в Краснотуранском районе Красноярского края, в северо-западной части т. н. Широкого лога. Эта возвышенность расположена на одном из отрогов Байтакского хребта, обрамляющего на севере Минусинскую межгорную впадину. Гора Кременная имеет сложную форму с многочисленными отрогами, образующими внутренние лога. Скальные выходы тянутся слабо выраженными ярусами

с юга-востока на северо-запад с постепенным понижением высот. Наиболее высокая точка Кременной составляет 579 м н. у. м. Возвышенность сформирована каменно-угольными пластами, скальные выходы горы сложены туфами и туффитами, известняками, желтовато-серыми, зеленовато-серыми и розовыми песчаниками Надалтайской свиты, а также туфами, туффитами и красно-коричневыми песчаниками Алтайской свиты¹.

Тепсейским отрядом кафедры археологии Кемеровского государственного университета уже не первый год ведутся работы с целью выявления и документирования наскальных изображений на территории Тепсейского археологического микрорайона, выявленного в ходе работы Красноярской экспедиции в 1960–70-х гг., на территории которого известны разнообразные археологические памятники одиннадцати исторических периодов [17, с. 7]. Первые разведки, проведенные летом 2015 г., позволили обнаружить этот участок с рисунками, а позднее, в 2018 г., провести сплошное обследование всех скальных поверхностей северо-западных участков горы Кременной, тяготеющих к Красноярскому водохранилищу. Маршруты разведки пролегали вдоль

ярусов скальных выходов даже в тех случаях, когда они казались маловыразительными и бесперспективными для обследования из-за плохой сохранности и особенностей породы камня. С целью выявления слаборельефных и плохо сохранившихся изображений, рисунков, покрытых лишайником или кальцитом, а также выполненных в технике гравировки, прошлифовки или краской осмотр одних и тех же участков склона проводился неоднократно в разное время суток, при разном освещении, в том числе с использованием искусственного света. Вследствие тщательного осмотра склонов горы Кременной на северо-западном отроге на высоте 1,5-2 м над уровнем земли было зафиксировано небольшое скопление петроглифов. Рисунки расположены очень компактно на 4-х соседствующих гранях, общая протяженность которых – не более двух метров. Локальность местонахождения обусловлена рельефом местности и подходящими для нанесения изображений горными породами, слагающими данный участок скального выхода (рис. 1).



Рис. 1. Вид на местонахождение с наскальными изображениями на горе Кременной Fig. 1. Rock paintings on Mount Kremennaya

 $^{^{1}}$ Геологическая карта СССР / ред. С. А. Музылев, сост. М. Г. Николаева, И. В. Киселева, Р. А. Селивестрова. Л.: ФГБУ «ВСЕГЕИ», 1975. Л. N-46-XX.

Описание изображений

Плоскость 1 (рис. 2) практически прямоугольной формы, 70х100 см. Ориентация – юго-юго-запад (азимут 210°). Грань имеет положительный угол наклона +11°, что сказывается на сохранности камня. По всей плоскости встречаются трещины разных размеров. Отсутствие козырька над гранью и положительный угол наклона плоскости способствуют образованию лишайников, талломы которого встречаются на разных участках грани. На плоскости зафиксировано 10 изображений зооморфных фигур и всадников. Все фигуры обращены влево, у животных обозначено по две ноги.

В центральной части плоскости расположена фигура всадника на коне. Конь показан в позе внезапной остановки. Выбоинами намечены поводья, за которые держится всадник. Правая его рука поднята вверх, а левая – опущена. Под ним фиксируются еще две фигуры всадников, а еще ниже – фигуры животных. По всей поверхности плоскости имеются мелкие поверхностные выбоины округлой и слегка продолговатой формы. Эта рассеянная выбивка зачастую мешает должному восприятию отдельных фигур плоскости. Подобным пикетажем, но уже сплошной выбивкой, выполнено большинство изображений на грани. Исключение составляют два рисунка в нижней части плоскости, где фигуры нанесены сплошным, но более крупным пикетажем. Форма отдельных выбоин продолговатая, похожая на насечки. Угол наклона выбоин отражает направление инструмента при нанесении изображений.

Плоскость 2 (рис. 3) имеет вытянутую форму, 65x150 см. Угол наклона плоскости +13°, ориентация – юго-юго-запад (азимут 210°). Сохранность грани удовлетворительная, хотя правый верхний угол ее растрескался и один блок отошел, чуть выдвинувшись вперед. В настоящее время грань состоит из двух каменных блоков, когда-то составлявших единое целое. Левая часть более массивная. В центральной части плоскости скальная корка утрачена. В углублении выбивки практически всех изображений видны талломы лишайника, но особенно интенсивно он распространен на правом блоке. На левом выбито по меньшей мере 18 фигур – это довольно схематичные зооморфные изображения, соотносимые с карасукской изобразительной традицией. Фигуры выполнены в линейном стиле. На правом, меньшем по размеру блоке зафиксировано 9 фигур – четыре схематичных зооморфных персонажа, а также пять схематичных антропоморфных фигур. Выбивка изображений



Рис. 2. Плоскость 1. Изображения в раннетагарской изобразительной традиции. Прорисовка

Fig. 2. Plane 1. Images in the Early Tagar art tradition. Tracing



Рис. 3. Плоскость 2. Карасукские изображения. Прорисовка Fig. 3. Plane 2. Karasuk images. Tracing

разная. Верхние фигуры левого блока выполнены крупными рассеянными круглыми по форме выбоинами, в то время как изображения, расположенные чуть ниже, несмотря на такую же округлую форму выбоин, нанесены более мелким сплошным пикетажем. Рисунки в центральной части левого блока, очевидно, наносились одним инструментом и, возможно, одним мастером, что косвенно указывает на их одновременность. Они различаются лишь выбивкой. Правый блок плоскости - худшей сохранности, что сказывается и на выбивке. Зооморфные изображения этой части грани нанесены мелкими сплошными выбоинами, антропоморфные изображения, несмотря на миниатюрные размеры, выполнены выбивкой более крупной и преимущественно вытянутой овальной формы. Датировка зооморфных изображений этой плоскости не вызывает сомнений – рисунки соотносятся с карасукской культурой.

Плоскость 3 (рис. 4) 60x130 см, имеет небольшой положительный наклон $+4^{\circ}$. Отличительной ее особенностью является яркий желто-оранжеватый цвет патины и ориентация на запад-северо-запад (азимут 290°). Сохранность плоскости удовлетворительная, хотя ее пересекают многочисленные мелкие трещины. По всей поверхности грани

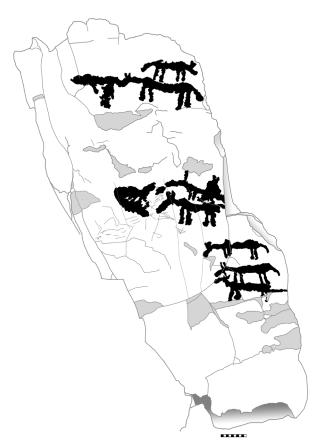


Рис. 4. Плоскость 3. Карасукские изображения. Прорисовка Fig. 4. Plane 3. Karasuk images. Tracing

фиксируются утраты скальной корки. Рисунки расположены преимущественно в правой части. Здесь девять зооморфных фигур, аналогичных изображениям 2-й плоскости. Они расположены друг над другом, а в верхней части две фигуры нанесены друг напротив друга. Выбивка, которой выполнены рисунки, однообразная — выбоины глубокие и чуть удлиненные по форме. Некоторые изображения сильно выветрены. Еще одной отличительной особенностью техники нанесения рисунков является наличие тонких, едва заметных гравированных линий в центральной части плоскости. К сожалению, из-за выветренности поверхности грани проследить полнофигурное гравированное изображение так и не удалось. Изображения этой плоскости тоже соотносятся с карасукской изобразительной традицией.

Плоскость 4 (рис. 5) 75x140 см, имеет ориентацию на юго-юго-запад (азимут 210°). Угол наклона составляет +18°. Сохранность плоскости, по сравнению с предыдущими, хорошая, что, очевидно, обусловлено ее расположением. В верхней части камня практически нет почвенного слоя, а значит влага не задерживается на его поверхности. Трещины на грани незначительные, однако имеются утраты скальной корки в виде небольших углублений-выветренностей. На плоскости зафиксировано шесть довольно любопытных зооморфных фигур. Размеры одной фигуры гораздо крупнее остальных. Туловище ее удлиненное, шея чрезмерно вытянута, на ней маленькая, непропорциональная телу голова с двумя ушками. Фигура с четырьмя ногами, причем передние частично разрушены сколом. Кончик хвоста животного заканчивается выбитым кружком. Рисунки в левой части плоскости выполнены крупными небрежными выбоинами вытянутой формы. Центральная и нижняя фигуры проработаны более тщательно.

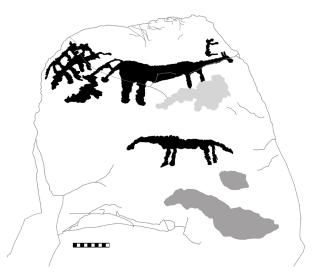


Рис. 5. Плоскость 4. Карасукские полновесные изображения. Прорисовка

Fig. 5. Plane 4. Karasuk "full-weighted" images. Tracing

Таким образом, хотя большинство описанных изображений горы Кременной выполнены в карасукской изобразительной традиции, рисунки различаются стилистически. Часть из них выполнена в своеобразном упрощенном проволочном стиле. У животных обозначено по две или по четыре ноги, а у некоторых дугообразная спина. Рисунки этой группы напоминают варчинские изображения [7, с. 71] и некоторые рисунки с плиты из Кизани [9, рис. 1] и на береговых скалах Оглахты [18, с. 61; 19, рис. 16], а также они близки изображениям с горы Шишка [5, фото 6], Ильинской писаницы [5, рис. 5-І.5] и др. памятников наскального искусства Минусинской котловины. Несмотря на известный схематизм, многие из них достаточно выразительны и индивидуальны, что достигается в первую очередь различной постановкой ног и относительно реалистичными мордами животных. Второй вариант представляют силуэтные зооморфные фигуры с нарушенными пропорциями, гипертрофированным туловищем и маленькой головой. Характерной их чертой являются изображенные на хвостах кисточки-кружочки.

Нельзя не отметить и расположенные по соседству с зооморфными персонажами на плоскости № 2 довольно схематичные антропоморфные фигуры. Б. Н. Пяткин установил, что изображения антропоморфных персонажей появляются на каменоложском этапе [3, с. 62], что, возможно, следует учесть при датировке рисунков этой плоскости. О. В. Ковалева отмечала, что в карасукскую эпоху образ человека утратил множество функций, столь характерных для окуневского времени. Манера исполнения антропоморфных изображений словно отступила к неолитическим (энеолитическим) корням. Схематизм и обобщенность стали визитной карточкой большинства карасукских изображений, в том числе это относится и к антропоморфным персонажам [5, с. 46]. Именно из-за схематичности антропоморфных фигур их датировка всегда вызывает затруднения. В данном случае антропоморфные фигуры выполнены в одной технике и в непосредственной близости с карасукскими зооморфами, хотя какой-либо явной сюжетной связи между ними не прослеживается. Серия антропоморфных персонажей, датируемых эпохой поздней бронзы, известна среди петроглифов разных памятников Минусинской котловины, в том числе из близких местонахождений – на горе Бычихе [20, таблица 4], но они значительно отличаются от петроглифов горы Кременной.

Исследователям еще предстоит выявить причины расположения в очевидном соседстве фигур, выполненных в разных манерах. Пока же можно предположить, что речь идет, скорее всего, о разных мастерах, создававших эти фигуры, и заложенном в них семантическом контексте. Нельзя исключать и разновременность создания рисунков. Как отмечал Д. Г. Савинов, изображения карасукского стиля в целом отличны от последующих тагарских, хотя отдельные стилистические приемы, характерные для наиболее динамичных рисунков, могут рассматриваться в качестве местного компонента тагарской изобразительной традиции. Что касается вопроса о культурной принадлежности данных изображений, то пока предпочтительно определять их карасукскими без углубления в более узкую датировку. Как известно, в эпоху поздней бронзы на юге Минусинской котловины существовали памятники как карасукской культуры, так и каменноложского этапа (или лугавской культуры) и переходного карасук-тагарского времени (баиновского этапа), характер связи между которыми окончательно не установлен. Не исключено, что и в рассматриваемом материале, несмотря на стадиальное единство стиля, могли отразиться разные культурные традиции [21].

Археологический контекст

В результате раскопок, проведенных под горой Тепсей Красноярской экспедицией Ленинградского отделения Института Археологии в 1960–1970-х гг. [17] и другими археологами в разные годы, были получены разнообразные материалы, связанные с карасукской культурой. Выявлены два больших могильника, содержавших в себе когда-то десятки, а может быть даже и сотни могил, а также небольшое поселение. Карасукские могилы были выявлены на Тепсее VIII (по индексации М. П. Грязнова). Среди находок – керамика с зигзагообразным орнаментом, бронзовые височные колечки. На Тепсее XIV было раскопано шесть карасукских оград, при этом все могилы оказались ограбленными, а некоторые плиты покрытия разбитыми [22, с. 32]. Важно отметить, что во время раскопок встречались кости жертвенных животных. На Тепсее XV в двух раскопанных могилах обнаружили два горшка с нарядным орнаментом, а также два бронзовых колечка (серьги) и пронизку [22, с. 36]. На Тепсее XVIII раскопана ограда, через которую, к сожалению, проходила автодорога. Вещей при погребенной женщине не оказалось [22, с. 37]. На Тепсее XVI при раскопках тесинского склепа тоже были найдены две карасукские могилы². У самого подножия горы, в устье Волчьего лога, обнаружен небольшой, сильно разрушенный карасукский могильник Тепсей VI. Важно, что практически рядом, на скальных выходах, фиксируются первые наскальные рисунки большого скопления петроглифов в этом логу (пункт Тепсей II), среди которых атрибутированы и карасукские рисунки. Здесь было раскопано три

 $^{^2}$ Пшеницына М. Н. Отчет о работах Тепсейского отряда в 1977 году // Архив Института археологии. М., 1978. Р−1. № 6712. С. б.

могилы. Среди находок встретились три цилиндрические аргиллитовые бусинки и фрагменты керамики [22, с. 39]. В пункте Тепсей XII было открыто поселение, на котором обнаружены черепки, грузило и гальки, а также бронзовая лапчатая подвеска и обломок литого браслета. Сохранился северный угол землянки, имевшей прямоугольную форму, она была ориентирована параллельно краю надпойменной террасы. Заполнение состояло из темного окрашенного песка с включениями золы, сажи и разных мелких обломков керамики, костей животных, камней. В заполнении землянки были найдены кусочки медного шлака и небольшое грузило или подвеска. По мнению авторов раскопок, все материалы относятся к раннему карасукскому этапу. К каменноложскому же относятся лишь отдельные черепки, найденные в пункте Тепсей III, который локализовался на надпойменной террасе у подножия горы Тепсей, и в настоящее время затоплен [22, с. 39]. При мониторинге размыва берегов водохранилища исследователи обнаружили еще три участка с остатками поселений, которые предположительно были отнесены к эпохе бронзы. Это пункты Тепсей III, V, VII (по нумерации Н. А. Боковенко), где найдены фрагменты керамики, обожженные кости, кусочки угля и пр. [23, с. 50].

Заключение

Таким образом, важно отметить, что полученные археологические материалы представлены как минимум двумя хронологическими срезами, что свидетельствует о том, что карасукцы обитали в этих местах на протяжении по меньшей мере 3–4-х веков – с XIII по XI вв. до н. э. [17, с. 7]. В настоящее время карасукская культура по данным радиоуглеродных исследований датируется несколько раньше – XIV–IX вв. до н. э. [24, с. 202]. Люди здесь не только жили, но и погребали близких, о чем свидетельствует довольно большое кладбище. Очевидно, в их ритуальную сферу была включена и традиция нанесения рисунков на скалы. В петроглифах, обнаруженных на горе Кременной, легко узнается карасукская изобразительная традиция, но пока открытым остается вопрос о более узкой хронологической

атрибуции. Фигура неопределенного животного с шариком на конце хвоста известна еще на одном участке горы Тепсей в пункте Тепсей II. Изображения в проволочном стиле, выявленные на Кременной, также характерны для разных участков Тепсея. К примеру, недавно на вершине горы Тепсей была обнаружена горизонтальная плита, на который выявлены карасукские фигуры, запечатленные в подобном стиле [25, рис. XII]. Не исключено, что эти две группы рисунков могли сосуществовать во времени. Отдельную группу на Кременной представляют сюжеты с антропоморфными фигурами и животными, показанными в позе внезапной остановки. Скорее всего, они относятся к раннетагарской изобразительной традиции. Об этом свидетельствует не только стиль изображений, но и совершенно иная техника исполнения.

Таким образом, несмотря на, казалось бы, довольно полное и длительное исследование петроглифов Тепсейского археологического микрорайона, до сих пор обнаруживаются новые удивительные наскальные рисунки. Петроглифы горы Кременной представляют особые локальные варианты карасукской изобразительной традиции, что в дальнейшем может способствовать более углубленному пониманию развития наскального искусства Минусинской котловины в эпоху поздней бронзы в целом. Наличие в этом микрорайоне археологических материалов разных хронологических срезов карасукской культуры позволяет аргументированно заявлять и о разновременности рисунков, выполненных в пределах одной эпохи. Могли ли они сосуществовать, представляя разные «изобразительные школы», или быть разновременными – сказать пока невозможно, это дело будущего.

Сохранность наскальных изображений горы Кременной в настоящее время относительно стабильна, но процесс образования трещин продолжается, как и покрытие их биобрастателями из-за отсутствия естественных или искусственных козырьков над плоскостями с рисунками. Рисунки Кременной развеяли мнение о том, что на плоскостях желтых оттенков практически не бывает рисунков. Необходимо тщательно обследовать любые выходы камня, что доказали проведенные нами работы.

Литература

- 2. Есин Ю. Н. Феномен окуневского искусства Хакасии // Хакасия и Россия: 300 лет вместе. Абакан: Изд-во ХГУ, 2007. С. 22-28.
- 3. Пяткин Б. Н. Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кем Γ У, 1977. Вып. 9. С. 60–67.
- 4. Есин Ю. Н. Петроглифы окуневской культуры на севере Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 1. С. 85–123.

- 5. Ковалева О. В. Петроглифы эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 25 с.
- 6. Ковалева О. В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 160 с.
- 7. Леонтьев Н. В. Колёсный транспорт эпохи бронзы на Верхнем Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1980. С. 65–84.
- 8. Пяткин Б. Н. К проблемам хронологического определения петроглифов предскифского времени на Среднем Енисее // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тезисы докладов Всесоюзной археол. конф. (Кемерово, 14–17 ноября 1979 г.) Кемерово, 1979. С. 126–129.
- 9. Есин Ю. Н. Петроглифы «Шаман-камня» (гора Оглахты, Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 66–81.
- 10. Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: КГПУ, 1985. 192 с.
- 11. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- 12. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Λ .: Наука, 1986. 179 с.
- 13. Мацумото К. Карасукские кинжалы их происхождение и распространение // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. \mathbb{N}^0 1. С. 19–34.
- 14. Советова О. С. Проблемы и перспективы исследования петроглифов Тепсея // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат-лы Междунар. конф. (Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) / отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 193–200.
- 15. Миклашевич Е. А. Коллекция рисунков енисейских писаниц из фондов Красноярского краеведческого музея // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2018. № 8. С. 92–100.
- 16. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2001. 184 с.
- 17. Грязнов М. П. Пункты раскопок // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 7-20.
- 18. Есин Ю. Н. Наскальные изображения Оглахты. Альбом. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2017. 160 с.
- 19. Миклашевич Е. А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1. С. 54–77.
- 20. Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело / отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Никалс, 1999. С. 47–74.
- 21. Савинов Д. Г. Развитие стиля изображений на плитах курганов тагарской культуры // Проблемы археологии. Вып. 3. Памятники древнего и средневекового искусства. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 123-136.
- 22. Грязнов М. П. Карасукская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 29-40.
- 23. Боковенко Н. А. Перспективы развития подводной археологии на Красноярском водохранилище в Сибири // Проблемы изучения подводной археологии. СПб.: ИИМК РАН, 1995. Ч. II. С. 48–52.
- 24. Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 188–202.
- 25. Советова О. С., Мухарева А. Н., Аболонкова И. В. Петроглифы Тепсейского археологического микрорайона (история изучения, перспективы исследования) // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 2016. Вып. 27. С. 136–154.

Petroglyphs of Mount Kremennaya and Problems of Their Chronology*

Olga S. Sovetova a, @, ID1; Olga O. Shishkina a, ID2; Irina V. Abolonkova b, ID3

Received 05.07.2019. Accepted 29.07.2019.

Abstract: The paper features rock art images of Kremennaya mountain, which is situated in the North-West part of Tepsey archeological microdistrict. The images were discovered by Kemerovo archeologists in 2015. The opening of the petroglyph site replenished the collection of graphic sources of one of the largest rock art sites of the Minusinsk Basin. It also revealed a completely new graphic tradition of the late Bronze Age. In total, four surfaces covered with rock carvings were found, i.e. 52 distinct figures. They are presumably related to the Karasuk and Tagar cultures. According to the stylistic characteristics of Bronze Age, at least two art traditions were distinguished in the context of Karasuk culture: "Wire" figures and "full-weight" silhouette characters). Similar images were found in other site of the Tepsey mountains. Excavations performed in the 1960s revealed that Tepsey archaeological microdistrict has both burial and settlement sites of two chronological stages of the Karasuk culture (XIII to XI centuries, BC). The images of Kremennaya mount provide a more detailed understanding of Tepsey, which is one of the largest rock art sites of Minusinsk basin.

Keywords: Minusinsk basin, Tepsey archeological area, rock art, archeological context, Karasuk culture, documenting

For citation: Sovetova O. S., Shishkina O. O., Abolonkova I. V. Petroglyphs of Mount Kremennaya and Problems of Their Chronology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 663–673. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-663-673

References

- 1. Leontev N. V., Kapelco V. F., Esin Yu. N. Sculptures and stelas of Okunev culture. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo, 2006, 236. (In Russ).
- 2. Esin Yu. N. The phenomenon of Okunev art of Khakassia. *Khakassia and Russia: 300 years together.* Abakan: Izd-vo KhGU, 2007, 22–28. (In Russ).
- 3. Pyatkin B. N. Some issues of the dating of petroglyphs of Southern Siberia. *Archeology of Southern Siberia*, 1977, iss. 9, 60–67. (In Russ).
- 4. Esin Yu. N. Petroglyphs of the Okunev culture in the North of Khakassia. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaia*, 2016, (1): 85–123. (In Russ).
- 5. Kovaleva O. V. Petroglyphs of the Late Bronze Age of the Khakass-Minusinsk Depression. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2008, 25. (In Russ).
- 6. Kovaleva O. V. Rock carvings of the Late Bronze Age of the Minusinsk Basin. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2011, 160. (In Russ).
- 7. Leontev N. V. Wheel transport of the Bronze Age on the Upper Yenisei. *Questions archeology of Khakassia*. Abakan: KhakNIIIaLI,1980, 65–84. (In Russ).
- 8. Pyatkin B. N. The problems of chronological definition of petroglyphs of the pre-Scythian time on the Middle Yenisei. *Scythian-Siberian problems cultural-historical unity*: Proc. All-Union Archaeological Conf., Kemerovo, November 14–17, 1979. Kemerovo, 1979, 126–129. (In Russ).
- 9. Esin Yu. N. Petroglyphs of "Shaman-stone" (the mountain Oglakhty, Khakassia). *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaia*, 2013, (1): 66–81. (In Russ).
- 10. Pyatkin B. N., Martynov A. I. Shalabolinsky petroglyphs. Krasnoyarsk: KGPU, 1985, 192. (In Russ).

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

^b Historical cultural and natural museum-preserve "Tomskaya Pisanitsa", 5A, Tomskaya St., Kemerovo, Russia, 650000

[@] olgasovetova@yandex.ru

^{ID1} http://www.researcherid.com/rid/G-6895-2018

ID2 http://www.researcherid.com/rid/X-2375-2018

^{ID3} https://orcid.org/0000-0003-2033-7850

^{*} The research was funded by the grant of the Russian Foundation for Basic Research No. 118-09-40089 "Rock art of the Tepsey microdistrict in the context of archaeological materials".

- 11. Sher Ya. A. Petroglyphs of Central and Central Asia. Moscow: Nauka, 1980, 328. (In Russ).
- 12. Vadetskaya E. B. Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisei. Leningrad: Nauka, 1986, 179. (In Russ).
- 13. Matsumoto K. The Karasuk daggers their origin and diffusion. Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaia, 2015, (1): 19-34. (In Russ).
- 14. Sovetova O. S. Challenges and perspectives of studying Tepsey petroglyphs. *Archaeological heritage of Siberia and Central Asia* (problems of interpretation and preservation): Proc. Intern. Conf., Kemerovo, October 19–21, 2016, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 193–200.
- 15. Miklashevich E. A. Collection of drawings of the Yenisei petroglyphs from the Krasnoyarsk Regional Museum. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia pisanitsa"*, 2018, (8): 92–100. (In Russ).
- 16. Kovtun I. V. Pictorial traditions of the Bronze Age of Central and North-West Asia. (Problems of the genesis and chronology of the iconographic complexes of the north-west of the Sayano-Altai.) Novosibirsk: IAET SO RAN, 2001, 184. (In Russ).
- 17. Gryaznov M. P. Excavation sites. Complex of archaeological sites of Tepsey mountain on the Yenisei. Novosibirsk: Nauka, 1979, 7–20. (In Russ).
- 18. Esin Yu. N. Rock art of the Oglahty. Album. Abakan: KhakNIIIaLI, 2017. 160. (In Russ).
- 19. Miklashevich E. A. The Oglakhty rock art complex: informational potential and research perspectives. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaia*, 2015, (1): 54–77. (In Russ).
- 20. Sovetova O. S., Miklashevich E. A. Chronological and stylistic features of petroglyphs at the middle Yenisei (the results of the work of the Petroglyphic Detachment of the South Siberian Archaeological Expedition of Kemerovo State University). *Archaeology, Ethnography and Museology*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: Nikals, 1999, 47–74. (In Russ).
- 21. Savinov D. G. The development of style of images on the plates of the Tagar barrows culture. *Problems of archeology. Iss.* 3. *Monuments of ancient and medieval art.* Saint-Petersburg: SPbGU, 1994, 123–136. (In Russ).
- 22. Gryaznov M. P. Karasuk culture. *Complex of archaeological sites by Tepsey mountain on the Yenisei*. Novosibirsk: Nauka, 1979, 29–40. (In Russ).
- 23. Bokovenko N. A. Prospects for the development of underwater archeology at the Krasnoyarsk reservoir in Siberia. *Problems of studying underwater archeology*. Saint-Petersburg: IIMK RAN, 1995, part II, 48–52. (In Russ).
- 24. Polyakov A. V., Lazaretov I. P. Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions. *The past of humankind as seen by the Petersburg archaeologists at the dawn of the Millennium (100th anniversary of the Russian Academic Archaeology)*. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019, 188–202. (In Russ).
- 25. Sovetova O. S., Mukhareva A. N., Abolonkova I. V. Petroglyphs of the Tepsey archaeological micro-region (the history of the study and prospects of the research). *Archeology of Southern Siberia*, 2016, iss. 27, 136–154. (In Russ).